

ВАС ЛЮБЛЮ

Общая газ - 2000 - 31 авг - 6 сеп
с. 16

Последний фильм Валерия Приемыхова назывался «Кто, если не мы?». Пожалуй, эти слова стали его жизненным девизом. Актер, режиссер, писатель Валерий Приемыхов был человеком необычным. Хочется сказать «неподдающимся»: ни в рамки его не загнать, ни по полочкам разложить. Прославился как актер? А об актерстве никогда не мечтал, профессию эту не слишком уважал и даже от роли в своем последнем фильме отказывался до последнего, о чем и рассказывал нам в редакции, где был частым гостем:

«Во-первых, я уже старый, и поверьте, что это не кокетство. А во-вторых, продолжая быть уверен, что актерство — глубоко дамская профессия. Раньше, чтобы два мальчишки говорили о третьем и ему этого не высказали — это была жуть какая-то! А в театре... В первом акте скажешь «Кушать подано», а во втором делать нечего — и давай обсуждать ближнего. А я предпочитаю существовать обособленно.

Вообще, наблюдая за собой, за другими актерами, я вижу, что все-таки не зря актерская профессия считалась бесовской. При ней ты уж слишком приучаешься быть инструментом, принимать правила чужой игры, стирать грани собственной личности. Причем это происходит на инстинктивном, физиологическом уровне.

Помню, как переживал на своих первых кинопробах, на фильме «Жена ушла». Мне было уже 33 года, и, наслушавшись всякого шаманства, я думал: пленка видит человека как сквозь. Все сразу поймут, какой я подонок. Но страхи оказались напрасны: пленка ничего не видит. Она только позволяет тебе совершить то, что ты не в силах совершить в жизни.

Его имя неотделимо от российского кино второй половины столетия. Даже если бы он сыграл только в «Пацанах» и «Холодном лете пятьдесят третьего...». А ведь были еще десятки ролей: в «Никудашной» и «Милом, дорогом, любимом, единственном» Динары Асановой, «Простой смерти» Александра Кайдановского, «Дне полнолуния» Карена Шахназарова. Приемыхов — автор 13 сценариев к фильмам (в том числе ставшего культовым «Взломщика»), последний из которых — «Кто, если не мы?» удостоен премии «Ника». А его книжка «Двое с лицами малолетних преступников» — бестселлер тинейджеров 90-х. Во всем, что делал Приемыхов — а ведь он еще и постановщик трех фильмов, — ощущалась мужская рука, мужской характер, мужской ум. Приемыхов-актер выглядел суперменом. И вел себя соответственно. И хотя вздыхал, что поклонниц на его долю выпало маловато (слишком серьезно воспринимали), воплощал собой образ самого настоящего и чуть ли не единственного настоящего киногероя. Вот такого: тихого, скромного, интеллигентного, с белогорским рабочим прошлым, с письменным столом в столичном настоящем, умеющего дружить и оставаться честным:

«По нашему представлению о молодых они должны любить как бы таких вот Рэмбо. Каким должен быть авторитетный у пацанов человек? Оператор мне говорит: «Валер, они любят таких крутых мужиков. Давай снимем, как ты уторм бежишь купаться, подбегашь к турнику и запросто пятнадцать раз отжимаешься!» Я спрашиваю: «А как ты это реально себе представляешь?» — «Ну, мы мужика здорового поставим, он будет тебя подкидывать, а ты только чуть-чуть будешь руками». Так я и чуть-чуть не успевал.

Все время спрашивают меня: «А что такое настоящий мужчина?» Да вот батюшка настоящий мужчина: маленький, лысенький, 46-го года рождения, на три года младше меня. Он умеет на себя брать ответственность, а я не могу. Для меня выбрать, играть в том фильме или в этом, писать этот сценарий или тот, — мука. Я, когда пишу,

телефон отключаю, чтобы вдруг не предложили чего-нибудь противоположного.

Приемыхов-режиссер снимал остросоциальное кино. А был уверен, что его фильмы «романтические, даже сентиментальные, в духе О'Генри»:

«Сегодня болевой порог у населения стал настолько низок, все кажется таким пасмурным, что люди готовы радоваться простому солнечному лучу. И если кто-то из зрителей пустит на моем фильме слезу, я буду счастлив.

В развлекательном кино нет ничего плохого. У Честертона есть статья «О пользе бульварной литературы». Что плохого, пишет он, если в ней маркизы благородны, бедные Лизы счастливо влюбляются в богатых и добрых, а храбрые и справедливые всегда побеждают? Добро там торжествует обязательно, а зло всегда наказывается. И разве не такие фильмы помогли итальянцам восстановить дух нации после Второй мировой войны, а американцам пережить Великую депрессию начала 30-х? И когда сейчас наши кинематографисты стоят с протянутой рукой: «Дайте, дайте нам денег!» — мне так и хочется их спросить: а что вы сделали, чтобы помочь народу в трудную минуту?

Приемыхов — актер, режиссер, писатель — был удивительно светлым и открытым человеком. У него было легко брать интервью. Как-то на «Мосфильме» Приемыхов оговорил нашего корреспондента первым вопросом: «Вы не знаете шампуня, от которого быстрее растут волосы?» Оказалось, один из его малолетних актеров несанкционированно побрился наголо и портит кадр. Ему можно было позвонить с дурацким редакционным вопросом — он не отказывался отвечать. Наконец, его было очень радостно видеть в Московской гостинице «ОГ». Вокруг него всегда было просто и никогда скучно. Человек, писавший и снимавший для детей, не позволял себе не то что нравоучений, а даже ворчанья. Он говорил: «Все твердят о «застое» и «стагнации». Лично у меня в то время была девочка по имени Элла, и мне было совершенно наплевать на всякие стагнации». С кем так теперь поболтаешь в уголке?

«Надо себя любить. У нас вообще нация себя не любящих. У меня была тетка, она говорила: «Прожила, как за забором вы...лась». Мы почему-то уверены, что все только начинается, что наша жизнь — репетиция. Когда молодежь живет будущим — это естественно, а дядькам моего возраста пристало жить в настоящем. А я живу, как будто все еще впереди.

Быть может, кому-то покажется странным, что, прощаясь с Валерием Приемыховым, мы публикуем его воспоминания об Александре Кайдановском — тоже безвременно ушедшем из жизни.

Но в этих сбивчивых строках, в этих размышлениях о дружбе, профессии, смерти — столько горечи и скорби, сколько нам сегодня хотелось бы вложить в слова памяти о самом Приемыхове.

Воспоминания Валерия передал редакции режиссер Евгений ЦЫМБАЛ, записавший их для фильма «Сны Сталкера». Передал со словами: «Сейчас, когда Валерий Приемыхов и Александр Кайдановский в реальности прошли путь, который они постигали, работая над фильмом «Простая смерть», эти строки кажутся еще более пронзительными и актуальными. Сегодня они оба покинули нас. Нынешние времена особенно неудобны для самых умных, самых талантливых и — увы, самых незащищенных».

...Кажется, кончается наконец дождливое, холодно-беспощадное лето 2000 года.

Смерть обмануть не удалось

Не напрасно он был суеверен

Валерий ПРИЕМЫХОВ

САША КАЙДАНОВСКИЙ был человек странный. Есть люди, с которыми все время что-то случается, и вот с ним все время что-то случалось. Мы познакомились лет двадцать назад на какой-то жуткой московской квартире, там, где прежде жили дворники, а теперь считали за счастье жить студенты актерского факультета. Это было общежитие Шуйкина училища. Была куча народу, накуренное, разговоры, споры, суета. Я будто снова во ВГИК вернулся. Та же атмосфера. Мы встретились, познакомились — ну Кайдановский и Кайдановский, Приемыхов и Приемыхов — и довольно скоро разбегались. И вдруг, спустя очень много времени, он предложил мне сыграть главную роль в фильме «Смерть Ивана Ильича», который потом стал называться «Простая смерть».

Меня это предложение привлекло своей неожиданностью и необычностью. Уж очень трудно было представить себя в образе этого персонажа. Я как-то себя не ощущал подобным типом и уж тем более не думал, что когда-нибудь буду играть Ивана Ильича. У нас у всех очень школьные представления о Толстом, а о «Смерти Ивана Ильича» и говорить нечего.

Кайдановский позвонил по телефону и сказал: «Валерий, не сможешь ли ты сыграть Ивана Ильича?» Сказал настолько просто и неожиданно, что я даже растерялся. Я ответил: «Наверное, сначала надо побуду сле-

чилось. Я спрашивал, а он отмалчивался. Ну, я встал, попросился, уже иду к дверям, а он вдруг говорит сзади: «Только знаешь, актеров не мучай». Вот и все.

Кайдановский относился к совершенно иному типу режиссеров, чем те, к которым я привык. Я, например, много работал с Динарой Асановой, которая любила, чтобы актеры фантазировали. Что-то предлагали, бурлили, несли свое прочтение, пластику, свой жизненный опыт, свой социальный срез. Саша был другой режиссер.

Это был режиссер, который все придумал сам, и у него уже все было готово в голове. Он совершенно не нуждался ни в каких фантазиях, предложениях, они его скорее раздражали. С кем лучше работать, даже не знаю: и то и другое хорошо. Здесь ты нацелен на выполнение его задачи. Потому, что он все это уже внутренне сыграл, как режиссер представил и как зритель мысленно просмотрел. У нас, когда мы только начинали работать, даже было несколько стычек, таких довольно смешных...

Мы по-разному себе представляли этого Ивана. Я говорю: «Саша, если ты меня приглашаешь играть Ивана Ильича, то я могу что-то внести свое, мое понимание, то, что я могу сделать... Это должен быть человек, который не просто интеллигент, который там вешал шторы, упал, сломал ребро, потом у него стал рак, ну и там пятое-десятое... Ты предлагаешь играть какого-то интеллигента, который уже заранее знает, что помрет. Готовый результат». Он этого не захотел. «Не нужно», — говорит. — мы все это пропусти-

«Пацаны» сделали Валерия Приемыхова знаменитым

ходит на тебя. Честно говоря, я на эту картину смотрю как-то очень болезненно. То, что Кайдановский сам все придумал до того, как позвал меня в фильм,

гда ничего не происходит — а страшно. В кино очень трудно передавать настроение, атмосферу, а он это умел, как мало кто. Я как-то прибежал к нему с

жили в одном номере, и я страшно завидовал, что он получил, снявшись в Испании, то ли сорок, то ли сто сорок тысяч долларов. Как-то идем по этой Шардже — так называется это княжество, и я спрашиваю: «Саша, деньги-то, конечно, ты там заработал, но трудно небось на чужом языке играть?» А он засмеялся и говорит: «А я играл глухонемого». Действительно, Кайдановский сыграл глухонемого и за два месяца съемок в Испании получил 140 тысяч долларов! Он расплачивался пластиковой карточкой, угощал меня там в эмиратах, все это было... Квартиру он в Москве купил. Говорил, что надоело ему в коммуналке. А остальные деньги отнес на «Мосфильм» и запустился со своей картиной, о которой давно мечтал. И все эти деньги через три недели исчезли. Куда и как, никто не может объяснить, но исчезли. Расстали, как дым. У Саши от этого случился инфаркт. И из коммуналки ему так и не удалось выехать. В общем, все это сейчас неинтересно, но для меня тогда было очень странно и интересно. Как и все его поведение...

Он не любил загорать, купаться, валяться на пляже. Он был человек своих собственных развлечений. Отдыхом это трудно назвать. Саша был очень закрытый человек. Не думаю, что даже его лучшие друзья его хорошо знают. Ему было интересно совсем не то, что нам показывали. Он не любил экскурсий, достопримечательностей, ехать в автобусе со всеми. Он уходил и бродил сам по себе. Мог исчезать очень надолго. Мог сидеть на улице с книжкой какой-нибудь и читать. Или ве-

стал возиться с этой камерой. И возился чуть ли не до самого утра. А потом днем спал.

У него были абсолютные загадочные отношения с женщинами. Для меня, по крайней мере. Может быть, люди, которые его лучше знали, могли это объяснить, но для меня это была непостижимая тайна. Он на женщин действовал, честно говоря, магически. Как бывает в нормальных случаях? Девушка идет в гости, ну там, думает, вино, конфеты, цветы, комплименты... А тут вместо этого ей приходилось слушать Баха или Бетховена. И вот как они это все переживали, мне просто непонятно... Он как будто гипнотизировал. И вроде ничего не делал, как бы и внимания на них не обращал, а они просто млели, глядя на него.

Я много ездил по стране, на съемки, на выбор натур, да и так, по жизни. И много разговаривал с провинциалами. Они говорят — вот сейчас таких нет, которые приходят завоевывать Москву. Таких Растиных, с напором, с энергией, способных на все. Это ведь не просто: далеко не каждый обладает такой пассионарностью, таким напором... Саша — а он росточанин — был как раз из таких. Я не имею в виду неразборчивость в средствах — этого как раз не было, а тот ум, ту энергию, пассионарность, страсть, которые в нем, несомненно, были. Мне кто-то из актеров, которые знали его с театральной школы, сказал, что он всю свою жизнь заранее знал, как он ее сделает.

И не случайно он с Тарковским познакомился, снялся у него, потом стал режиссером. Все это было придумано им еще до появления на первый курс

нятное пугает больше всего. У Саши было много таких загадок... Например, когда мы снимали картину «Простая смерть», мы жили вместе в Питере у одного нашего приятеля. Эта картина была просто его дипломной работой на три части. Он взял и превратил ее в полнометражную картину. Продал машину, купил киноплёнки на все деньги и с помощью друзей сам все это сотворил.

Он любил, например, сидеть всю ночь и разговаривать. Запоздалое студенчество в нем оставалось или боязнь ночи — я не знаю. Вот сидим за столом, разговариваем бесконечно, я уже падаю просто, но вынужден тоже сидеть. Он наливает немножко водки, выпиваем и опять — ду-ду-ду-ду-ду... До утра сидим, уже светает, и, только я поднимусь уйти, он опять чего-то начинает.

В нем была загадка, которую разгадывать было как-то нелегко. Ну, существует так человек, значит, ему так удобно. Но объяснить, сказать, что Саша был вот таким и таким, нельзя. Я, например, один раз видел, как он подражал с милиционером. Только из-за того, что тот сделал ему грубое замечание. А с другой стороны Бах... А с третьей — громадная его черная комната с ангелами в коммунальной квартире. Соседи которой к нему хорошо относились. Обычно в коммуналке соседи очень не любят, когда к кому-то гости ходят, а к нему ходили все время. Днем и ночью. И ничего, соседи терпели. У него много загадок было.

Однажды, на съемках «Простой смерти», Саша с оператором Юрой Клименко страшно попутались. Я должен был иг-

дли-и-нный, скучный фильм...» Саша швыряет на пол сценарий и уходит из павильона. А мне уезжать надо... Они трижды назначали смену и три раза не разговаривали друг с другом... Хотя знакомы чуть ли не с детства... А я бегал от одного к другому, чтобы они помирились, сняли меня скорей и отпустили, потому что мне уезжать надо было... И вот смены идут и отменяются, отменяются. Потом, слава Богу, помирились, сняли, и все закончилось.

Саша... Мы много смеялись, например... Сказать, что мы ржали, как говорится, такого не было. Сказать, что натушный юмор был, когда вроде и смеяться нечему, а смеяться надо, а уже в скалах болит, этого тоже не было. Язык у Кайдановского был острый, как бритва.

После фильма я себя почувствовал плохо. А через полгода так прихватило, что даже положили в больницу. Заболел языком. И пришлось делать операцию. Я не знаю, может, это совпадение просто. Но не сказать, чтоб она (языка) сама собой возникла. Как-то что-то там не то было. Все-таки умирал в роли. Священник был у нас на картине. Консультант. Я даже к нему подходил, спрашивал: «Батюшка, а ничего, что я умирающего и покойника играю?» Я, как все актеры, действительно, очень суеверный. Он говорит: «Да нет, Богом не возбраняется. Все в порядке, не бойтесь. И потом — я же тут. Так что нечего опасаться».

Батюшка тоже был под стать Саше Кайдановскому, какой-то непонятный... В джинсах. Приехал откуда-то из-под Новгорода. Ну, я вижу, такое дело, думаю, надо самому что-то придумать. И придумал себе такую

Михаил КЛИМЕНТЬЕВ

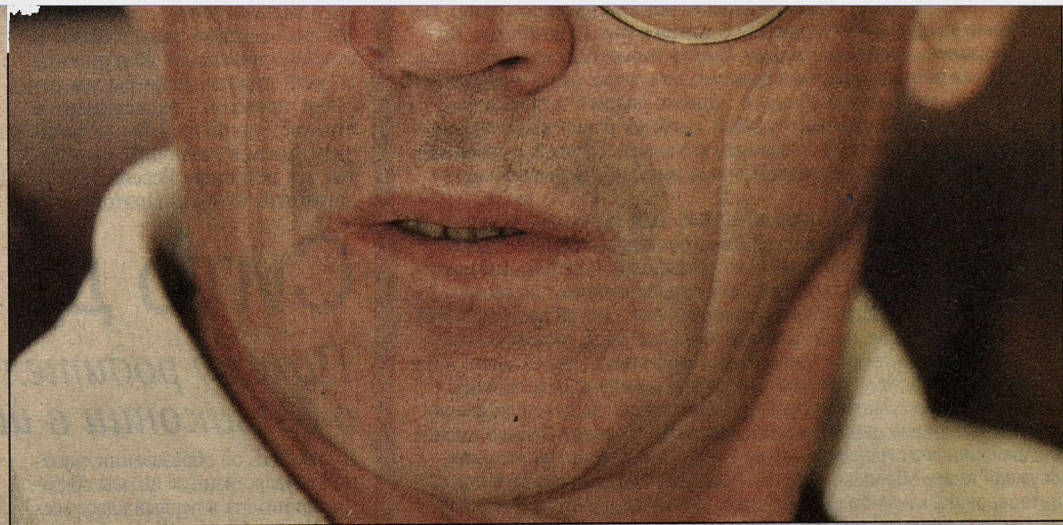
«Никудышной» и «Милом, дорогим, любимом, единственным» Динары Асановой, «Простой смерти» Александра Кайдановского, «Дне полнолуния» Карена Шахназарова. Приемных – автор 13 сценариев к фильмам (в том числе ставшего культовым «Взломщика»), последний из которых – «Кто, если не мы?» удостоен премии «Ника». А его книжка «Двое с лицами малолетних преступников» – бестселлер тинейджеров 90-х. Во всем, что делал Приемыхов – а ведь он еще и постановщик трех фильмов, – ощущалась мужская рука, мужской характер, мужской ум. Приемных-актер выглядел суперменом. И вел себя соответствующе. И хотя вздыхал, что поклонниц на его долю выпало маловато (слишком серьезно воспринимали), воплощал собой образ самого настоящего и чуть ли не единственного настоящего киногероя. Вот такого: тихого, скромного, интеллигентного, с белогорским рабочим прошлым, с письменным столом в столичном настоящем, умеющего дружить и оставаться честным:

«По нашему представлению о молодых они должны любить как бы таких вот Рэмбо. Каким должен быть авторитетный у пацанов человек? Оператор мне говорит: «Валер, они любят таких крутых мужиков. Давай снимем, как ты утром бежишь купаться, подбегая к турнику и запросто пятнадцать раз отжимаешься!» Я спрашиваю: «А как ты это реально себе представляешь?» – «Ну, мы мужика здорового поставим, он будет тебя подкидывать, а ты только чуть-чуть будешь руками». Так я и чуть-чуть не успевал. Все время спрашивают меня: «А что такое настоящий мужчина?» Да вот батюшка настоящий мужчина: маленький, лысенький, 46-го года рождения, на три года младше меня. Он умеет на себя брать ответственность, а я не могу. Для меня выбрать, играть в том фильме или в этом, писать этот сценарий или тот, – мука. Я, когда пишу,

твердят о «застое» и «стагнации». лично у меня в то время была девушка по имени Элла, и мне было совершенно наплевать на всякие стагнации». С кем так теперь поболтаешь в углу-ке?

«Надо себя любить. У нас вообще нация себя не любящих. У меня была тетка, она говорила: «Прожила, как за забором вы...лась». Мы почему-то уверены, что все только начинается, что наша жизнь – репетиция. Когда молодежь живет будущим – это естественно, а дядькам моего возраста пристало жить в настоящем. А я живу, как будто все еще впереди.

Быть может, кому-то покажется странным, что, прощаясь с Валерием Приемыховым, мы публикуем его воспоминания об Александре Кайдановском – тоже безвременно ушедшем из жизни. Но в этих сбивчивых строках, в этих размышлениях о дружбе, профессии, смерти – столько горечи и скорби, сколько нам сегодня хотелось бы вложить в слова памяти о самом Приемыхове. Воспоминания Валерия передал редакции режиссер Евгений ЦЫМБАЛ, записавший их для фильма «Сны Сатлера». Передал со словами: «Сейчас, когда Валерий Приемыхов и Александр Кайдановский в реальности прошли путь, который они постигали, работая над фильмом «Простая смерть», эти строки кажутся еще более пронзительными и актуальными. Сегодня они оба покинули нас. Нынешние времена особенно неудобны для самых умных, самых талантливых и – увь, самых незащищенных». ...Кажется, кончается наконец дождливое, холодно-беспощадное лето 2000 года.

Смерть обмануть не удалось

Не напрасно он был суеверен

Валерий ПРИЕМЫХОВ

САША КАЙДАНОВСКИЙ был человек странный. Есть люди, с которыми все время что-то случается, и вот с ним все время что-то случалось. Мы познакомились лет двадцать назад на какой-то жуткой московской квартире, там, где прежде жили дворники, а теперь считали за счастье жить студенты актерского факультета. Это было общежитие Шукинского училища. Была куча народу, накурено, разговоры, споры, суета. Я будто снова во ВГИК вернулся. Та же атмосфера. Мы встретились, познакомились – ну Кайдановский и Кайдановский, Приемных и Приемных – и довольно скоро разбежались. И вдруг, спустя очень много времени, он предложил мне сыграть главную роль в фильме «Смерть Ивана Ильича», который потом стал называться «Простая смерть».

Меня это предложение привлекло своей неожиданностью и необычностью. Уж очень трудно было представить себя в образе этого персонажа. Я как-то себя не ощущал подобным типом и уж тем более не думал, что когда-нибудь буду играть Ивана Ильича. У нас у всех очень школьные представления о Толстом, а о «Смерти Ивана Ильича» и говорить нечего.

Кайдановский позвонил по телефону и сказал: «Валерий, не сможешь ли ты сыграть Ивана Ильича?» Сказал настолько просто и неожиданно, что я даже растерялся. Я ответил: «Наверное, сначала надо попробовать». Саша сказал: «Нет, зачем пробовать, мне и так все ясно».

Кстати, «зачем пробоваться» – это очень интересно: через два года я сам запускался как режиссер и уже всерьез думал о пробах актеров. Это так страшно, елки-палки... Можно ведь ошибиться. И уже ничего нельзя исправить... И я пришел к Саше посоветоваться, так, мол, и так, как пробы проводить. А Кайдановский говорит: «Да ну, все это ерунда. Не бойся ничего. Как считаешь, так и делай». Собственно, разговора не полу-

чилось. Я спрашивал, а он отмалчивался. Ну, я встал, попрощался, уже иду к дверям, а он вдруг говорит сзади: «Только знаешь, актеров не мучай». Вот и все.

Кайдановский относился к совершенно иному типу режиссеров, чем те, к которым я привык. Я, например, много работал с Динарой Асановой, которая любила, чтобы актеры фанатизировали. Что-то предлагали, бурлили, несли свое прочтение, пластику, свой жизненный опыт, свой социальный срез. Саша был другой режиссер.

Это был режиссер, который все придумал сам, и у него уже все было готово в голове. Он совершенно не нуждался ни в каких фантазиях, предложениях, они его скорее раздражали. С кем лучше работать, даже не знаю: и то и другое хорошо. Здесь ты нацелен на выполнение его задачи. Потому что он все это уже внутренне сыграл, как режиссер представил и как зритель мысленно просмотрел. У нас, когда мы только начинали работать, даже было несколько стычек, таких довольно смешных...

Мы по-разному себе представляли этого Ивана. Я говорю: «Саша, если ты меня приглашаешь играть Ивана Ильича, то я могу что-то внести свое, мое понимание, то, что я могу сделать... Это должен быть человек, который не просто интеллигент, который там вешал шторы, упал, сломал ребро, потом у него стал рак, ну и там пятое-десятое... Ты предлагаешь играть какого-то интеллигента, который уже заранее знает, что помрет. Готовый результат». Он этого не захотел. «Не нужно», – говорит, – мы все это пропускаем. Меня интересует последняя фаза». Я не соглашался. Он настаивал на своем. Как всегда, на противоречиях и в спорах что-то рождалось.

Я никогда не думал, что мне придется о Саше говорить как об ушедшем режиссере. Эта картина... «Простая смерть» – не сказать, чтоб она была моей любимой. Довольно мучительная картина. Я после нее сильно заболел. Есть актерские суеверия, что нельзя играть подобные вещи – смерть, тяжелую болезнь. Актеры как будто заражаются ролью, и все это пере-

«Пацаны» сделали Валерия Приемыхова знаменитым

ходит на тебя. Честно говоря, я на эту картину смотрю как-то очень болезненно. То, что Кайдановский сам все придумал до того, как позвал меня в фильм, я бы до этого сам не додумался. Не догадывался. Очень неприятные реакции. На грани физиологии. Хотя я спорил с ним, бурлил, словом, делал то, что всегда артисты делают. Но он это пресекал. И, в общем, я выполнил все, что он хотел. И сегодня эта картина по горячности по своей, по какой-то страсти мне кажется одной из лучших его картин.

Кайдановский, вообще, очень чувствовал ужас, страх и тому подобное. У него было замечательное чувство ужасного, если так можно сказать. Вот ко-

гда ничего не происходит – а страшно. В кино очень трудно передавать настроение, атмосферу, а он это умел, как мало кто. Я как-то прибежал к нему с предложением, говорю: «Саша, мы ж могли сделать такой замечательный детектив про эту смерть – холодный, страшный, жуткий...» Он на меня так посмотрел – что ты, мол, думаешь, я совсем уже... Но не скажи ничего. В общем, отыграл я роль, и мы разошлись. А он эту роль переозвучил. Своим голосом.

Потом были у нас встречи, здоровались, общались, но особой дружбы не было.

За полгода до его смерти мы вместе ездили в Арабские Эмираты. Так получили, что мы

жили в одном номере, и я страшно завидовал, что он получил, снявшись в Испании, то ли сорок, то ли сто сорок тысяч долларов. Как-то идем по этой Шардже – так называется это княжество, и я спрашиваю: «Саша, деньги-то, конечно, ты там заработал, но трудно небось на чужом языке играть?» А он засмеялся и говорит: «А я играл глухонемого». Действительно, Кайдановский сыграл глухонемого и за два месяца съемок в Испании получил 140 тысяч долларов! Он расплачивался пластиковой карточкой, угощал меня там в эмиратах, все это было... Квартиру он в Москве купил. Говорил, что надоело ему в коммуналке. А остальные деньги отнес на «Мосфильм» и запустился со своей картиной, о которой давно мечтал. И все эти деньги через три недели исчезли. Куда и как, никто не может объяснить, но исчезли. Расстались, как дым. У Саши от этого случился инфаркт. И из коммуналки ему так и не удалось выехать. В общем, все это сейчас неинтересно, но для меня тогда было очень странно и интересно. Как и все его поведение...

Он не любил загорать, купаться, валяться на пляже. Он был человек своих собственных развлечений. Отдыхом это трудно назвать. Саша был очень закрытый человек. Не думаю, что даже его лучшие друзья его хорошо знают. Ему было интересно совсем не то, что нам показывали. Он не любил экскурсий, достопримечательностей, ехать в автобусе со всеми. Он уходил и бродил сам по себе. Мог исчезать очень надолго. Мог сидеть на улице с книжкой какой-нибудь и читать. Или вечером на пляже, сидя на песке под фонарем. И книги все какие-то заумные.

Однажды я просыпаюсь в три часа ночи в этой жуткой арабской гостинице в Дубае и вижу, что Саша купил камеру и что-то там разбирает. Крутит винтики, нажимает кнопки, смотрит описание. Потом увидел, что я проснулся, и говорит: «Иди сюда, посмотри, тут трансфокатор класный – двенадцатикратник!» Я говорю: «Саша, отстань ты со своим двенадцатикратником, я спать хочу...» Он повернулся и снова

стал возиться с этой камерой. И возился чуть ли не до самого утра. А потом днем спал.

У него были абсолютно загадочные отношения с женщинами. Для меня, по крайней мере. Может быть, люди, которые его лучше знали, могли это объяснить, но для меня это была непостижимая тайна. Он на женщин действовал, честно говоря, магически. Как бывает в нормальных случаях? Девушка идет в гости, ну там, думает, вино, конфеты, цветы, комплименты... А тут вместо этого ей приходится слушать Баха или Бетховена. И вот как они это все переживали, мне просто непонятно... Он как будто гипнотизировал. И вроде ничего не делал, как бы и внимания на них не обращал, а они просто мле-ли, глядя на него.

Я много ездил по стране, на съемки, на выбор природы, да и так, по жизни. И много разговаривал с провинциалами. Они говорят – вот сейчас таких нет, которые приходят завоевывать Москву. Таких Растиньковых, с напором, с энергией, способных на все. Это ведь не просто: далеко не каждый обладает такой пассивностью, таким напором... Саша – а он ростовчанин – был как раз из таких. Я не имею в виду неразборчивость в средствах – этого как раз не было, а тот ум, ту энергию, пассивность, страсть, которые в нем, несомненно, были. Мне кто-то из актеров, которые знали его с театрального училища, сказал, что он всю свою жизнь заранее знал, как он ее сделает.

И не случайно он с Тарковским познакомился, снялся у него, потом стал режиссером. Все это было придумано им еще до поступления на первый курс театрального института. И он последовательно это всю жизнь осуществлял. Он знал о себе заранее все с юных лет. И все так и оказывалось. Хотя в последние годы он собирался и очень хотел снять картины, которые так и не сумел поставить...

Есть такая информационная теория эмоций – что мы пугаемся, когда чего-то не знаем. Когда мы видим реальную опасность, мы начинаем действовать. Но когда опасность только чувствуем, это вызывает самый сильный страх. Непонятное пугает больше всего. У Саши было много таких загадок... Например, когда мы снимали картину «Простая смерть», мы жили вместе в Питере у одного нашего приятеля. Эта картина была просто его дипломной работой на три части. Он взял и превратил ее в полнометражную картину. Продав машину, купил киноплёнки на все деньги и с помощью друзей сам все это сотворил.

Он любил, например, сидеть всю ночь и разговаривать. Запоздалое студенчество в нем осталось или болезнь ночи – я не знаю. Вот сидим за столом, разговариваем бесконечно, я уже падаю просто, но вынужден тоже сидеть. Он наливает немного водки, выпиваем и опять – ду-ду-ду-ду... До утра сидим, уже светает, и, только я поднимаюсь уйти, он опять чего-то начинает.

В нем была загадка, которую разгадывать было как-то неловко. Ну, существует так человек, значит, ему так удобно. Но объяснить, сказать, что Саша был вот таким и таким, нельзя. Я, например, один раз видел, как он подрался с милиционером. Только из-за того, что тот сделал ему грубое замечание. А с другой стороны Бах... А с третьей – громадная его черная комната с ангелами в коммунальной квартире. Соседи которой к нему хорошо относились. Обычно в коммуналке соседи очень не любят, когда к кому-то гости ходят, а к нему ходили все время. Днем и ночью. И ничего, соседи терпели. У него много загадок было.

Однажды, на съемках «Простой смерти», Саша с оператором Юрой Клименко страшно поругались... Я должен был играть монолог и говорю: «Саша, но это очень длинно». (Он меня заставлял учить толстовский текст от и до. Я там слова не мог переставить. Нельзя было вместо «тут» «здесь» сказать. Боже упаси! Это Толстой.) И когда я в очередной раз запорол дубль на каком-то там девяносто пятом слове, я говорю: «Саша, ну что в конце концов так буквоедничать. Это очень длинный монолог, действительно невозможно запомнить!» А Юра из-за камеры говорит: «Валера, неужели вы не понимаете, мы снимаем

дли-и-нный, скучный фильм...» Саша швыряет на пол сценарий и уходит из павильона. А мне уезжать надо... Они трижды назначали смену и три раза не разговаривали друг с другом... Хотя знакомы чуть ли не с детства... А я бежал от одного к другому, чтобы они помирились, сняли меня скорей и отпустили, потому что мне уезжать надо было... И вот смены идут и отмена, отмена, отмена. Потом, слава Богу, помирились, сняли, и все закончилось.

Саша... Мы много смеялись, например... Сказать, что мы ржали, как говорится, такого не было. Сказать, что натужный юмор был, когда вроде и смеяться нечему, а смеяться надо, а уже в скулах болит, этого тоже не было. Язык у Кайдановского был острый, как бритва.

После фильма я себя почувствовал плохо. А через полгода так прихватило, что даже положили в больницу. Заболел языком, и пришлось делать операцию. Я не знаю, может, это совпадение просто. Но не сказать, чтоб она (языва) сама собой возникла. Как-то что-то там не то было. Все-таки умирал в роли. Священник был у нас на картине. Консультант. Я даже к нему подходил, спрашивал: «Батюшка, а ничего, что я умирающего и покойника играю?» Я, как все актеры, действительно, очень суеверный. Он говорит: «Да нет, Богом не возбраняется. Все в порядке, не бойтесь. И потом – я же тут! Так что нечего опасаться».

Батюшка тоже был под стать Саше Кайдановскому, какой-то непонятный... В джинсах. Приехал откуда-то из-под Новгорода. Ну, я вижу, такое дело, думаю, надо самому что-то придумать. И придумал себе такую историю, как у американских индейцев: они, чтобы обмануть смерть, делают вид, что умирают, ну и верят, что смерть придет, посмотрит, увидит, что он уже умер, – и уйдет... Я по этой примете пошел. Думал, так и проеду всю картину. Но вот, как-то не получилось. Иногда это меня даже пугает. Честно говоря, я не ожидал такого результата... Эта Сашина картина «Простая смерть» как будто сидит во мне до сих пор...

Апрель 1998 года

Главный редактор номера: Егор ЯКОВЛЕВ
Газета зарегистрирована в Мининформпечати
РФ 20 августа 1991 г. Рег. № 1054
Общая газета. Перепечатка допускается по согласию с редакцией,
ссылка на «ОГ» обязательна
Правовое обслуживание газеты осуществляет
Адвокатское Бюро «Резник, Гагарин и Партнеры» МГКА

Дизайн-макет: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШИН
Арт-директор: Андрей МАЛЬКОВ
Отдел рекламы:
Тел.: 915-75-23. Т/ф: 915-26-06, e-mail: ivov@og.ru
Отдел маркетинга: Тел.: 915-53-81
Связь с общественностью:
Валерия ГАЛЛАЙ, Зоя ВОЛОВАЦ
Тел.: 915-70-40, e-mail: pr@og.ru

Верстка компьютерного центра
«Общей газеты»
Технический директор
Валерий МАКАРОВ
P.P. С этим знаком, а также в рамках
публикуется пресс-релизы, информа-
ционно-коммерческие материалы.
Редакция не несет ответственности
за содержание рекламных текстов

Отдел распространения: Александр РЕБРИК. Тел.: 915-53-89
Общий тираж «ОГ» – 205967 экз. (региональный – 144000 экз.)

Цена свободная
Розничное распространение в Московском метрополитене
Группа компаний «ПАБЛИК ПРЕСС»
в С.-Петербургском метрополитене
ООО «МЕТРОПРЕСС»

Отпечатано в ОАО ПО «Пресса-1»,
125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24

Номер подписан в печать 30.08.2000 г.
Заказ 2141.

Наш подписной индекс: 32138

Адрес редакции: 109240, Москва, ул. Гонимая, д. 1. Справки по телефону: 915-22-88; факс: 915-51-71, e-mail: secretar@og.ru. Электронная версия «ОГ» в Internet: www.og.ru (а также в базах данных www.parl.ru; www.nns.ru; www.integrum.ru; www.russianstory.com).

Редактор: Дмитрий ДОКУЧАЕВ, Владимир КИСЕЛЕВ, Анатолий КОСТЮКОВ, Юрий ПАТРИН, Елена РЫКОВЦЕВА, Юрий СОЛОМОНОВ, Мария СЕДЫХ, Егор ЯКОВЛЕВ, Виталий ЯРОШЕВСКИЙ. Дирекция выпуска: Елена БОГОМОЛОВА, Евгений СЕМЕНОВ, Светлана КАРТАШЕВА (корректур).
Руководители направлений: Наталья ГРИГОРЬЕВА (город), Ирина ДЕМЕНТЬЕВА (мнения), Елена КОКУРИНА (наука), Наталья КРАМИНОВА (этика), Илья МЕДОВОЙ (мировоззрение), Игорь НАЙДЕНОВ (право), Марина ТОКАРЕВА (редактор «ОГ»-Петербург), Елена УСОВА (информационное обеспечение), Дмитрий ФИЛИПЧЕНКО (спорт), Борис ЮНАНОВ (международная жизнь). Обозреватели: Олег ВЛАДЫКИН, Максим ГЛИКИН, Василий ГОЛОВАНОВ, Елена ДИКУН, Игорь КОРОЛЬКОВ, Виктор ЛИТОВКИН, Ирина ПЕТРОВСКАЯ, Альберт ПЛУТНИК, Юрий РОСТ, Борис СИНЯВСКИЙ, Елена ТОКАРЕВА, Юнна ЧУПРИНИНА.
Представители за рубежом: Эльмира АХУНДОВА (Баку), Сергей БОРИСОВ (Алма-Ата), Лариса ДЯЧУК (Киев), Наталья ЛОПАТИНСКАЯ (Вильнюс), Федор ЮРИКОВ (Прага), Алексей СЛАВИН (Берлин), Армен ТИГРАНЯН (Ереван), Борис ШЕСТАКОВ (Будапешт).
Исполнительный директор Наталья КЛОЧКО. Финансовый директор Елена ЛАНОВА. Директор по развитию Елена РЫМКО.